

И. М. ЗАБЕЛИН

Быть среди живых...

В истории изучения творчества Вернадского наиболее продуктивным и объективно значимым оказался период, начало которого приходится на 1963 год (100-летний юбилей со дня рождения) и который заканчивается только теперь. Я назвал бы его, пусть с некоторой долей условности, классическим. Значительный вклад в изучение творчества Вернадского был сделан в эти годы моим оппонентом И. Мочаловым, автором диссертации, книги¹ и многих статей о Вернадском.

Доминирующей особенностью классического периода, как мне представляется, было всеобщее постепенное осознание большого значения не только научного (что всегда признавалось), но и мировоззренческого, философского творчества Вернадского, введение в обиход (и популяризация) таких понятий, как ноосфера, пространство—время, природное тело и т. п. Еще одной доминирующей чертой многих публикаций было почти априорное признание искренности основных научно-мировоззренческих идей Вернадского; в тех же случаях, когда аргументация самого Вернадского казалась недостаточной, предпринимались попытки углубить и расширить ее, но все с той же целью — убедить читателей в первоисходной истинности мыслей великого ученого.

Сказанное не в упрек кому-либо. Начинать своеобразное возрождение Вернадского, с тем чтобы приблизить его к нашим дням, следовало, конечно, с главного — с рассказа о широте, оригинальности, глубине его мировоззрения, об особенностях его мышления, неповторимости личности. И «классики» успешно справились с нелегким делом. Коллективному труду работников архивов, составителей и комментаторов посмертных изданий, авторам оригинальных исследований творчества Вернадского — всем им обязаны мы тем, что Вернадский вошел в наше

сегодня, «как живой с живыми говоря». Но это уже новая, и особая, ситуация, завидная для посмертной судьбы любого ученого, предполагающая, однако, и живое, отнюдь не юбилейное отношение к нему. Отклик же И. Мочалова на мою публикацию интересен прежде всего тем, что он как бы подытоживает классический период, последовательно отстаивая его принципы.

И сам Вернадский, и авторы ряда предисловий к его сочинениям недвусмысленно предупреждают читателей, что понять Вернадского трудно и, наоборот, легко его неправильно понять. От подобного предупреждения не удержался и Мочалов. Я готов подтвердить, что чтение работ Вернадского действительно дело непростое. Но и не предельно сложное. Разве чтение, например, Гегеля или Маркса требует меньшего умственного усилия? Порою мне кажется, что подобные оговорки — это своего рода игра на опережение: «классические» вернадоведы таким способом заранее обеспечивают себе выгодную позицию против несогласных с ними. Особенно, пожалуй, это относится к проблеме ноосферы, одной из сложнейших в творчестве Вернадского.

Так случилось, что в одном и том же 1970 году вышли книга Мочалова «В. И. Вернадский — человек и мыслитель»² и моя книга «Физическая география и наука будущего»³. В первой из них имеется раздел «Учение о ноосфере», в котором взгляды Вернадского высоко оцениваются и широко обосновываются. Во второй есть раздел «Черты новейшей планетной эволюции. Проблема ноосферы», в котором основное в концепции Вернадского подвергается сомнению и предлагается иной взгляд на глобальные процессы, происходящие на планете. Минувшее десятилетие, увы, не сблизило наши с Мочаловым позиции в толковании ноосферной проблематики. Но субъективная убежденность в своей правоте отнюдь не исключает объективного понимания того, что проблема остается дискуссионной и наивно претендовать на роль судьи в высшей инстанции, — в этом у нас с оппонентом, насколько мне известно, разногласий нет.

Едва ли имеет смысл вдаваться в детали дискуссий о ноосфере. Но одно обстоятельство отметить все-таки следует. Правильные в своей основе фундаментальные идеи — а «переход биосферы в ноосферу», по Вернадскому, относится к числу фундаментальных идей — ведут к консолидации научной или общественной мысли. Формула Вернадского, наоборот, ведет ко все большему рассеиванию мнений-следствий. Ноосферу то сжимают до клочка преобразованной человеком земли, то расши-

ряют до внегалактических пределов, отождествляют с геологической оболочкой и отрицают всякое соотнесение с нею, ставят знак равенства ее с коммунизмом и утверждают, что вообще никакой ноосферы быть не может, считают ноосферой область активного проявления производственной деятельности и, наоборот, область чисто научно-культурного плана в бытии человечества... Рассеивание мнений-следствий, как будто бы вытекающих из формулы: «Биосфера переходит в ноосферу», столь велико, что подпадает под действие статистических закономерностей: его нельзя объяснить случайностью. Все дело именно в неправильной постановке вопроса Вернадским, хотя мой оппонент и протестует против такого заключения. <...>

Мне представляется не случайным, что на обложке книги Мочалова о Вернадском значится — «человек и мыслитель». Известно, что ныне несть числа научным сотрудникам — и младшим и старшим. Несравнимо меньше ученых. А ученых-мыслителей вообще единицы. Так было всегда со времени возникновения науки, хотя мозг как будто у всех устроен одинаково.

Вернадский, конечно, интересен как ученый, но еще более как ученый-мыслитель или, как у Мочалова, просто мыслитель. Конечно, мой оппонент прав, что ученый волен ограничивать себя не только особо выделенным предметом исследования, но сколь угодно суживать свои задачи. Иное дело мыслитель. Ученый и мыслитель — понятия несовпадающие, и если ученый при изучении живого вещества вправе исключить жизнь из области своих специальных исследований, то от мыслителя ждут иного — постижения наиболее сокрытых сторон бытия... Сознал ли Вернадский, что жизнь удалена им из живого вещества?... Не только сознал, но и точно расставил акценты: «Охватывая явления жизни как проявление в форме живого вещества... мы неизбежно должны сводить их... к тем же самым понятиям, какие употребляем для остальной мертвой природы»; «Для большинства биологов такое употребление термина “живое вещество” кажется чуждым и неудобным. Совсем иное значение он получает в глазах геохимика». Широта подхода Вернадского к проблеме отчетливо видна в последних фразах. И закономерно, что Вернадский как мыслитель не мог не сказать следующее: *«Мысль человека никогда не остановится ни на понятии живого вещества, которое мы кладем в основу нашей работы, ни на том представлении о жизни как организованности, которое получает сейчас такое широкое проявление в биологии. Она будет искать научное объяснение,*

которого нет в этих терминах» *. (Курсив всюду мой. — И.З.) Но как же тогда быть с утверждением самого Вернадского, что живое вещество как понятие «всецело охватывает объекты изучения биологии», сделанным в другой книге? ** Мне кажется, что это объясняется психологическими обстоятельствами. Рукописи «Живое вещество» и «Размышления натуралиста» по времени написания разделены двумя десятилетиями, и за столь длительный срок Вернадский настолько привык к термину «живое вещество», что утратил первоначальное отношение к нему как к неудобному для биологов. Вернадскому принадлежит высказывание, что «глубокий философский и научный» подход к явлениям природы правилен лишь в том случае, если исследователь подходит к любому. пусть «самому незначительному, явлению природы... широко и полно» ***. Надо полагать, что этот принцип должен выдерживаться и по отношению к такому сложному планетно-космическому феномену, как жизнь, которая больше, чем живое вещество. <...>

И последнее. В литературе довольно часто выражается тревога за сохранность генетического фонда планеты — всего многообразия окружающей нас жизни. Производственная деятельность ныне действительно оказывает влияние на всю биосферу. Общие же понятия в субъективном плане несколько обезличивают жизнь. Наверное, в этой ситуации всем нам чаще, чем о живом веществе, следует вспоминать о живых существах, чтобы не растратить необдуманно богатство, доставшееся нам от прошлых эпох. Утраченное не восстановишь.

Среди возможных оценочных критериев в науке есть и такой — степень еретичности. Напомню, что у античных натурфилософов ересь означала и научное направление, и свободу выбора. В книге Мочалова о Вернадском сказано, что «в нем гармонически слились в единое целое разносторонность и глубина Ломоносова, психологизм Толстого, монументальный героизм Бетховена» ****. Что ж, хвалить — так хвалить. Для меня лично Вернадский был и останется Великим Еретиком, ибо творчество его редкостно богато новыми научными направлениями

* Все цитаты взяты из книги: *Вернадский В.И. Живое вещество*. М.: Наука, 1978. С. 238, 223, 224.

** *Вернадский В.И. Размышления натуралиста*. М.: Наука, 1977. Кн. 2. С. 14.

*** *Вернадский В.И. Живое вещество*. С. 238.

**** *Мочалов И.И. В.И. Вернадский — человек и мыслитель*. М.: Наука, 1970. С. 175.

и предоставляет последующим поколениям ученых редкостную свободу выбора — иначе говоря, свободу поиска, основанного и на трудах самого Вернадского. Эти обстоятельства исключают какую бы то ни было его канонизацию. И предполагают свободу дискуссий сколь угодно острых — и с самим Вернадским, и с исследователями его творчества.

